

20 век и мир

ПОБЕДА ДИМОКРАТОВ: ПОРАЖЕНИЕ ДИМОКРАТИИ

№11 1991

Путч 19 августа — явление поразительное (и в то же время вполне укладывающееся в логику революционных процессов). Формально в руках путчистов были громадные ресурсы — и отнюдь не только в лице армии и КГБ, но и в виде поддержки достаточно широких слоев населения. Надо хотя бы посмотреть на результаты выборов президента России, чтобы понять, что за путчистами сразу же пошло значительное меньшинство — большее, очевидно, чем-то меньшинство, которое поддерживало в свое время Франко в Испании или Пиночета в Чили. И в случае успеха это меньшинство могло бы стать и большинством — значительная масса людей колебалась, а через какое-то время в результате пропаганды и действия психологических механизмов конформизма у него «открылись бы глаза» на то, к какой пропасти подвела страну клика Ельцина и нерешительность Горбачева. Чего не хватало путчистам прежде всего — это веры в себя, решимости, готовности проливать кровь. Нагнать в Москву тысячи танков и никого даже не арестовать — это надо уметь, и эта «мягкотелость» сразу же обрекла их на поражение, ставшее очевидным в первые же часы путча. И это отсутствие веры в себя и решимости — не случайны, это не просто личные качества этих людей. Вряд ли Язов такой трус, и вряд ли легче убить себя и обречь на смерть жену, как сделал Пуго, чем арестовать Ельцина и Попова. Здесь нечто иное. Здесь действует какая-то глубинная логика.

На наш взгляд, трусость и мягкотелость путчистов — это не столько личные, сколько идеологические трусость и мягкотелость. Это трусость и мягкотелость того же порядка, что мягкотелость Керенского, не решавшегося по-настоящему ударить по большевикам. Дело в том, что видеть в Лукьянове или Павлове сталинистов может лишь крайне идеологизированное сознание. Это то же самое, что видеть в Милюкове замаскированного черносотенца, как видели большевики, или наоборот, замаскированного большевика, как видели черносотенцы. Лукьянов и Павлов, а наверное, и Пуго с Язовым, — люди первого, начального этапа того перестроечного движения, которое в своем дальнейшем, ставшем уже революционным развитии, пошло значительно более бурно и стихийно, чем предполагалось, и начало выдвигать людей другого типа. Мне представляется, что это — либеральные чиновники и политики, верой и правдой служившие Горбачеву и его реформаторскому курсу, у которых, однако, их запас «либерализма» уже исчерпался. Они приняли очень много — выборы, отмену шестой статьи, приватизацию, но та черта, которую они не смогли перейти — это демонтаж Союза, который виделся им в новом союзном договоре. Это люди, связавшие себя именно с союзными структурами, и можно понять, например, Язова, человека «профессионально-имперского» мышления, для которого расчленение Союза непереносимо. Но так как это люди, уже принявшие очень много из того, что было звеньями, этапами процесса, который вел к неприемлемому для них результату, у них и не могло быть необходимой решимости, той решимости, какой вполне хватало Пиночету, Франко, большевикам. Не мог Лукьянов, выдвинутый в «полудемократическом» процессе выборов 1989 года, все время занимавшийся «парламентскими интригами», великолепно «нашедший себя» в роли главы союзного парламента, быть диктатором или даже выступить за диктатуру. Не мог Павлов выступить за возврат к

социализму. Путчисты — люди этапа 1988 — начала 1989 годов, это «маркизы Лафайеты» русской революции, обреченные на безнадежную попытку остановить процесс, который они сами приводили в движение. История самых разных революций полна такими нерешительными путчами тех, кто принадлежит к раннему этапу революционного процесса и кто оказывается трусом в силу своей идеологически межеумочной, переходной позиции. И каждый раз это половинчатое сопротивление, пока идет революционная волна, подхлестывает ее, выдвигая как раз тех, кого они пытаются остановить. Мятеж Савинкова и Корнилова помог большевикам. Мятеж жирондистов расчистил путь якобинцам. Мятеж 19 августа привел к триумфу наших демократов, и если бы Ельцин выдумывал, что ему нужно для окончательного триумфа, так это именно то, что сделали путчисты. Но одновременно триумф демократов — это очень серьезный удар по нашей демократии. Почему?

Прежде всего потому, что демократия и наше демократическое движение — отнюдь не тождественные понятия. Демократы у нас — это революционная партия, относительно единая, имеющая общепризнанных вождей. Это — движение, партия, начертывавшая демократию на своем знамени, но, как и любые движения и партии, имеющая и свои специфические, отнюдь не сводящиеся к интересам демократии, партийные интересы.

Припомним относительно быструю, прошедшую на наших глазах эволюцию этого движения. Вначале его лидер — глубоко идеалистический человек, «Дон-Кихот», академик Сахаров, вокруг которого группируются немногие бывшие диссиденты и известные либеральные интеллигенты — любители в политике. В идеологии движения доминирует абстрактный, идеалистический, во многом нереалистический демократизм. Но все это было уже очень давно. За каких-то два года произошли громадные изменения и в социальном характере, и в идеологии движения.

Вначале еще никто не предполагал, какие громадные политические возможности есть у демократов. Но по мере того, как Горбачев и либеральная верхушка КПСС продвигала демократические реформы, возможности эти становились все более очевидны. Они коренились во всеобщей (сверху донизу) утрате веры в коммунистическую идеологию, в анти-коммунизме, пронизывающем все наше «коммунистическое» общество, от Политбюро до нищего колхозника. И как только появляется система состязательных демократических выборов, этот глубоко запрятанный антикоммунизм начал выходить наружу, принимать форму голосования за «демократов», сначала, как на выборах народных депутатов СССР, в больших городах. Принадлежность к демократии очень быстро стала выгодной, стала путем «наверх». И если раньше среди лидеров демократов доминировали люди, приобретшие известность вне политики, в своих профессиональных сферах, политические дилетанты, то уже во время наших первых, относительно свободных выборов на сцену вышел новый элемент — более молодые люди, для которых их демократизм был основным средством социальной мобильности.

Эти люди естественным образом стали оттеснять либералов-любителей, не способных полностью отдаться серьезному делу политики — борьбе за власть. И одновременно они вносят в движение новый, цинично-партийный дух, ярко проявившийся уже у «межрегионалов», когда Гдлян практически безо всяких доказательств обвинял Лигачева и чуть ли не Горбачева во взяточках, а «межрегионалы» считали, что это совершенно нормально. И дело здесь совсем не в том, что «политика — дело грязное» и политик-профессионал — хуже, циничнее

«любителя». Политика не грязнее любого другого дела, и Станкевич или Заславский могут быть людьми не менее честными, чем Карякин или Евтушенко. Но у них — другие интересы, у них нет того независимого от политики статуса, который позволяет политикам-«люби-телям» — быть свободными в политической сфере; для них политика — все, политическое падение — полное падение, а не уход в основную профессиональную сферу.

Выборы в Верховный Совет РСФСР и местные советы проходят уже при полном доминировании в демократическом лагере людей, делающих карьеру через «демократическую» политику, которая ведется теперь более умело, напористо, серьезно и вскоре приведет к захвату «демократами» власти в России. Во главе демократов теперь уже не «Дон-Кихот» Сахаров, смерть которого подводит черту под ранним этапом движения, а Ельцин, бывший кандидат в члены Политбюро, перешедший на демократические позиции. Одновременно в идеологии движения происходят бурные изменения.

Захват демократами власти в России сопровождается выдвиганием политически выгодного лозунга суверенитета России, позволившем создать мощный блок с сепаратизмом в союзных республиках и начать использование в интересах демократического движения русского национализма. Те же самые люди, которые только что выступали за передачу Карабаха Армении, фактически проигнорировали трагедию турок-месхетинцев (ибо поддерживать турок — это значит поддерживать союзную власть) и стали категорически отрицать права Татарии стать союзной республикой, выдвигая полностью противоречащий идеям раннего этапа движения лозунг «единой и неделимой России».

Произошла подмена идеи демократии идеей прав республик (причем именно союзных, а не автономных), борьбы с национальным угнетением - борьбой с Союзом и центром. Власть демократов полностью подменила сам смысл демократии.

Наш вариант демократической идеологии стал постепенно расходиться с общедемократическими принципами, «обрастать» добавлениями, не имеющими к ним отношения, но связанными со специфическими потребностями партийной борьбы. Соответственно и демократический блок все более стал включать недемократические элементы. В нем все больше людей, привлеченных не идеей демократии, а просто карьеризмом, выгодой, которую они могут получить от перераспределения власти от Союза к России, наконец, русским национализмом. И по мере того, как власть стала стремительно уходить из рук КПСС и союзных структур, вся шушера, которая раньше толпилась на Старой площади, стала толпиться в подъездах Белого дома.

Произошло то, что происходило в истории тысячу раз, начиная с эволюции раннего христианства, кончая эволюцией большевиков. Идущее к власти движение постепенно отодвигает на задний план свои идеалы и принципы. Средства для реализации его целей — власть, влияние на массы — становятся для него истинными целями. При этом, побеждая и подчиняя себе массы, оно само подчиняется массам — их сознанию, их предрассудкам.

Я совсем не считаю, что мы психологически и культурно очень далеки от демократии, мы во много раз ближе к ней, чем в 1917 году. Но было бы крайней наивностью думать, что победившее в масштабах нашей страны за два года народное движение может действительно быть демократическим. При нашей

политической традиции появление в нем «фашизоидных» элементов было практически неизбежно. А то, что оно называется демократическим (и даже субъективная преданность части его участников демократии) — такая же малая помеха его «фашизации», как интернационализм большевиков и лозунг «Вся власть Советам» были помехой становлению сталинского режима. И полная (и не дай Бог окончательная) победа «демократов» в результате провала путча 21 августа предельно ускорила их уже очень четко обозначившееся перерождение. Оппозиция — в лице умирающей КПСС и «союзных структур» - практически исчезла, и на деле вновь возникла однопартийная система. При этом «героическая оборона» Белого дома от армии, не стрелявшей и стрелять не собиравшейся, была воспринята как индульгенция на все. И если ранний этап движения олицетворяет облик Сахарова, то теперешний — самодовольное мурло победившего хама. В российском парламенте воцаряется новый и в то же время очень старый дух непристойной лести по отношению к «своим» лидерам и столь же непристойного хамства по отношению к чужим. (Вспомним о предложениях дать Ельцину звание Героя Советского Союза и о приеме депутатами Горбачева). Вокруг имущества КПСС начинается свалка, скорее напоминающая драку «паханов» из-за дележа награбленного, чем политическую борьбу. Тут же, через несколько дней после торжественных заявлений, что у России нет ни к кому территориальных претензий, она предъявила претензии ко всем соседям, и сколько бы потом она от этих требований ни отказывалась, стало очевидно, что значат для победившей «демократии» договоры.

При этом, освободившись от оппозиции в лице умирающей КПСС, новые лидеры явно намерены «приструнить» (а вскоре, возможно, и прикроют) те демократические органы, через которые они выдвинулись.

Все идет «как положено» — в доброй большевистской традиции, когда за ликвидацией оппозиции в стране наступает очередь ликвидации оппозиции в партии. Чем больше меняются названия, тем более все остается по-старому, ибо на самом деле нет лучшего способа оставить все по-старому, чем радикально изменить название.

Дальнейшее уже более или менее ясно — это новая авторитарная система во главе с Ельциным, которого даже нельзя ни в чем обвинять — его несет историческая волна, подхватившая его, пронесшая через демократически-популистскую стадию и сейчас выносящая к роли «великого князя», опирающегося на преданное ему «демократическое движение», в идеологии которого все более доминирует риторический антикоммунизм и русский национализм. Как в 1917 году, так и сейчас, революция «проскакивает» в своем цикле от авторитаризма к новому авторитаризму (или тоталитаризму) стадию демократии, отвергая «нерешительные» фигуры Милюковых, Керенских, Лукьяновых, Горбачевых.

Очень скоро произойдет и то, что произошло после победы большевиков со многими «белыми», понявшими, что воевали они не с тем, что большевики-то и есть «собиратели земли русской».

У меня практически нет сомнений, что в недалеком будущем Союз писателей РСФСР и люди типа Невзорова поймут, что Ельцин и есть новый русский царь, о котором они мечтали, и идеалисты, оставшиеся в демократическом лагере, будут «вышвырнуты» и у себя на кухнях (это еще хорошо, если на кухнях) будут шутить: «За что боролись, на то и напоролись».

Что же делать? На первый взгляд, сделать можно не так уж много. Рациональные аргументы так же плохо действуют на революционеров, как они плохо действуют на людей, пребывающих в цикле маниакально-депрессивного психоза. Припадок кончится сам собой — бессилием и опустошением.

Можно только уповать на то, что все-таки с 1917 года мы прошли большой путь. Психологически московс-

кий кооператор или обезумевший младший научный сотрудник все же ближе к демократии, чем питерский рабочий или моряк-балтиец, поэтому новая тоталитарная стадия нашего развития будет мягче и скоротечней, и в конечном счете демократия не может не победить (не при нас, так при наших детях). И все же есть еще определенная надежда на то, что почти неизбежный финал нашей трагикомедии не состоится, и демократия победит на этом историческом отрезке.

На наш взгляд, «пир победителей» начался слишком рано и со слишком большой откровенностью. «Мурло» вылезло и стало очевидным для многих раньше, чем его обладатели полностью укрепились у власти. Сейчас уже кое-кто начинает осознавать реальную опасность для демократии - исходящую не от старых, бессильных- структур, «подточенных» либеральной эволюцией и показавших свое бессилие 19 августа, а от «демо-кратов»-победителей.

И если эти люди решатся встать в радикальную оппозицию еще не окрепшему новому тоталитаризму, у них есть шанс. Но это не должна быть чисто интеллигентская оппозиция горстки идеалистов — такая оппозиция обречена. Это должна быть серьезная оппозиция, включающая все реальные силы, чьи устремления, не противореча самим принципам демократии, противоречат интересам и политике данного «ельцинского», «демократического» блока, даже если их психология—сомнительно демократична—движения в автономиях; всех тех, кому дорог еще не до конца разрушенный Союз (бывший не только тюрьмой народов, но и силой, не допускавшей слишком явных притеснений нацменьшинств, гарантом от возникновения в республиках фашистских режимов) и которые не могут простить легкомысленно-корыстного его разрушения; тех, чьи интересы—скорее в усилении областных, местных властных структур, а не российского центра, скорее — в советах, чем в мэриях. Это может быть очень пестрая и в то же время могучая коалиция. В ней могут быть и либеральные коммунисты, которым были противны карьеристское бегство из партии, и люди, сделавшие на одной партии карьеру дважды, — один раз войдя в нее, другой раз — выйдя. Но она должна вести не назад, к «идеалам социализма», а вперед—к демократической России, которая все равно, рано или поздно, будет. И кто бы из современных лидеров ни взялся за создание такой новой политической силы, пусть даже руководствуясь честолюбием и властолюбием, он объективно сослужит великую службу своей стране. Потому что страшит не честолюбие лидеров, не проникновение в движение «прохвостов» — прохвосты есть везде и всегда. Страшно только одно— полная победа одной политической силы, монополия на власть. Если другая сила возникнет и выступит на следующих выборах, то, может быть, эта революция будет последней. Если не возникнет, то следующие выборы будут еще очень не скоро— победителям они не нужны, а как наши демократы обходятся с конституциями, мы уже видим. И тогда не путч 19 августа, а его поражение 21 августа будет датой, с которой начнется новая тоталитарная эпоха российской истории, дай Бог, недолгая.

